

Религиоведение. 2024. № 2. С. 77–85.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 2. P. 77–85.

DOI: 10.22250/20728662_2024_2_77

Головушкин Д.А.¹, Соколов Р.А.²

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

^{1,2} 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

¹ golovushkinda@mail.ru; ² romansokolow@mail.ru

В «тени» традиции: проблемы и перспективы изучения фундаментализма новых религиозных движений

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в отечественном религиоведении теме – фундаментализму новых религиозных движений (НРД). Основное внимание авторов сосредоточено на проблемах и перспективах «высвечивания» данного феномена. Отмечается, что причины «затенённости» фундаментализма новых религиозных движений кроются в природе самого модерна, самосознание которого определяется традицией, в издержках репрезентативных моделей «традиция – модернизм», «традиция – фундаментализм» и «фундаментализм – модернизм», а также в особенностях современной общественно-политической системы, сделавшей фундаментализм традиции своим паттерном. С учётом того, что НРД – это один из важных индикаторов трансформации религии, социума и культуры, фундаментализм новых религиозных движений может служить «оптикой» для изучения новых модификаций фундаментализма. Фундаментализм НРД – это также дополнительный прогностический инструментарий, позволяющий распознавать зоны риска т.н. «ошибочных идентичностей», вызванных к жизни, растущей «манией основ». Наконец, фундаментализм новых религиозных движений доказывает не только ограниченность репрезентативных моделей «традиция – модернизм» и «традиция – фундаментализм», противопоставляющей «культ основ» или религиозное новаторство традиции, но и репрезентативной модели «фундаментализм – модернизм», посредством которой новые религиозные движения интерпретируются как противоположность фундаментализму.

Ключевые слова: новые религиозные движения, модерн, фундаментализм, модернизм, традиция, «конкурирующая традиция», секуляризация

Д.А. Головушкин

Р.А. Соколов

Dmitriy A. Golovushkin¹, Roman A. Sokolov²

^{1,2} Herzen State Pedagogical University of Russia

^{1,2} 48 Moika River emb., St. Petersburg, 191186, Russia

¹ golovushkinda@mail.ru; ² romansokolow@mail.ru

In the “Shadow” of Tradition: Problems and Prospects of Studying Fundamentalism in New Religious Movements

Abstract. The article explores fundamentalism in new religious movements, a topic that is virtually unknown in Russian religious studies. It focuses on the problems and prospects for legitimizing this phenomenon. The reasons for the obscurity of fundamentalism in NRM lie in modernity's nature, which is shaped by tradition. The costs of representative models such as “tradition – modernism”, “tradition – fundamentalism” and “fundamentalism – modernism”, as well as features of the socio-political system have made fundamentalism a pattern for NRM. Given that NRM is an important indicator of transformation in religion, society, and culture, fundamentalism can serve as a lens for studying new forms of fundamentalism. NRM's fundamentalism is also an additional predictive tool that allows you to recognize the risk areas of so-called “mistaken identities” caused by the growing “fundamentals mania”. Finally, the fundamentalism of new religious movements proves not only the limits of the representative models “tradition – modernism”, “tradition-fundamentalism” which opposes “cult of fundamentals” or religious innovation to tradition, but also the representative model “fundamentalism – modernism”, through which new religious movements are interpreted as opposed to fundamentalism.

Key words: new religious movements, modernity, fundamentalism, modernism, tradition, “competing tradition”, secularization

Введение

Современный религиозный фундаментализм демонстрирует удивительную многоликость и тренд к непрерывной трансформации [Головушкин, 2021]. Как в многослойном пироге сегодня в нём присутствуют ревайвализм, богословский фундаментализм, идея возвращения к религиозно-цивилизационным основам единства, а также фундаментализм, который манипулируют религией, культурой или этничностью для достижения своих политических и экономических целей. В последние десятилетия активно изучаются вопросы связи фундаментализма и неолиберализма, фундаментализма и глобализма, фундаментализма и тоталитаризма [Dreher, 2020, 19–49]. Всё это свидетельствует о том, что фундаментализм постоянно расширяет свои границы и как феномен, и как дискурс.

Однако на этом фоне тема фундаментализма новых религиозных движений (НРД) остаётся практически незаметной. Учёные признают, что сегодня можно встретить трактовки, рассматривающие фундаментализм и Нью Эйдж (New Age) «как явления, имеющие общую ось изменения, сформулированную в явном или неявном виде» [Doctor, 2003], однако в отличие от фундаментализма т.н. традиционных религий, этот феномен так и не стал предметом широкого обсуждения. С учётом признания факта конститутивной включенности новых религиозных движений в культуру современности, их важной роли в процессах десекуляризации и возвращения религии в публичную сферу, эта ситуация «затенённости» фундаментализма НРД видится более чем странной.

Концептуально-терминологическое пространство дискурса

Несмотря на то, что отдельных исследований по проблеме религиозного фундаментализма или по проблеме новых религиозных движений достаточно много, на сегодняшний день нет однозначного определения этих феноменов.

Фундаментализм одновременно интерпретируется в границах «протестантской матрицы», в широком богословском значении, как возвращение к основам веры – вероучительным текстам или ортодоксии, в цивилизационно-политическом измерении, как защитник религиозно-цивилизационных основ единства и аутентичности, и наконец в идеологическом ключе, в качестве установки на верность любым «основам» и ценностям [Головушкин, 2022, 25–26]. Отличительной чертой современного фундаментализма, т.н. фундаментализма «третьей волны», является тот факт, что он преодолевает традицию и ортодоксию, изобретая и жонглируя основами [Головушкин, 2021].

Понятие «новые религиозные движения» имеет ещё больше трактовок, чем понятие фундаментализм. В существующем разнообразии дефиниций, предложенных отечественными исследователями, обращает на себя внимание подход, предложенный Л.И. Григорьевой. Учёная делает акцент на необходимости выявления качественной новизны вероучения НРД и, следовательно, к таковым относит движения или группы людей, которые не сводят свои учения «ни к одному из известных источников вероучений традиционных религий» [Григорьева, 2002, 79]. Другими словами, определяя НРД, Л.И. Григорьева противопоставляет «новизну» традиции, не оставляя в этой схеме места «основам» религии и веры. Поэтому при изучении фундаментализма новых религиозных движений очень важно нащупать исследовательскую стратегию и критерии, на основании которых можно будет выяснить, соответствуют или не соответствуют то или иное НРД идеологии и практике фундаментализма.

Известный представитель теории «религиозной экономики» Л. Ианнаконе в своем исследовании фундаментализма новых религий делает акцент на форме их религиозной жизни, которая характеризуется «высоким уровнем приверженности», «высоким уровнем участия», «строгими и своеобразными кодексами поведения» [Iannaccone, 1997, 104]. На основании этого он приходит к выводу, что фундаментализм новых религиозных движений может быть определён в терминах сектантства. Как следствие, для Л. Ианнаконе сектантство – это специфическая форма религиозного фундаментализма, характеризующаяся коллективистским эксклюзивизмом, что в первую очередь характерно для т.н. «классических» новых религиозных движений.

На противоположном полюсе НРД находится индивидуалистический инклюзивизм движений Нью Эйдж. Но именно он, в рамках «холистического» подхода, становится для Т. Лукмана критерием наличия в Нью Эйдж фундаменталистского импульса. В отличие от классических НРД, члены которых выбирают в качестве реакции на современность традиционные модели «целостности», последователи Нью Эйдж отстаивают право на индивидуализированную или нетрадиционную модель целостности, которая берётся под полномасштабную защиту [Luckmann, 1999].

С точки зрения М. Ризебротта, фундаментализм в первую очередь вырастает из ощущения драматического кризиса, в котором оказался мир из-за игнорирования обществом ключевых принципов порядка, реализованных в более раннем сообществе («золотом веке»), и преодолеть этот кризис можно только путём возвращения к изначальным предписаниям [Riesebradt, 1994, 16]. В свете этого критерия фундаменталистская природа новых религиозных движений проявляется не только у НРД, которые отстаивают принципы пуританизма и теократизма («Фундаменталистская церковь Иисуса Христа святых последних дней», «Армия Иисуса», «Церковь-святилище мира и объединения во всем мире» и др.), но и у НРД, которые ратуют за возвращение в «Золотой век» – к чистому образцу метафизически правильного, которые являются проводниками идеи унификации всех религий, нового «мирового этоса», глобальной этики и т.д.

Почему «затенён» фундаментализм новых религиозных движений?

1) *Социокультурные причины.* Модерн не случайно сравнивается исследователями с двуликим Янусом [Alexander, 2013], который, с одной стороны, стремится разрушить традицию, а с другой стороны – создать свою собственную [Bell, 1978, 47]. Эта амбивалентность модерна обусловлена его самосознанием, чувством самосохранения от мести «кестоков»: «Проклятием безудержного прогресса является безудержная регрессия» [Хоркхаймер, Адорно, 1997, 53]. Поэтому модерн, несмотря на своё «бунтарство» остро нуждается в традиции. Его обращение к ней, жажда её обретения, по словам М. Вебера, является «разочарованием» наоборот. Традиция «демифологизирует» модерн [Хабермас, 2008, 120–121]. Однако эта «демифологизация» модерна осуществляется силами и средствами самого модерна – через фундаментализм. В результате сам фундаментализм становится «заложником» формируемого современным образом и видится исключительно как радикализованная и мобилизованная версия традиции.

2) *Научные причины.* Казалось бы, признание новых религиозных движений неотъемлемой частью культуры модерна открывает большие перспективы для исследования фундаментализма модернизма и неорелигиозного творчества. Однако, когда исследователь выходит на проблему фундаментализма новых религиозных движений, то он практически сразу же попадает в методологическую ловушку бинаризма. В парадигме бинарной оппозиции «фундаментализм – модернизм», не оставляющей места «третьему», новые религиозные движения априори рассматриваются как ниспровержение «основ» и разрыв с традицией, в то время как фундаментализм, напротив, представляется в качестве их ревностного защитника. Данная установка дополнительно усиливается ещё недостаточно отрефлексированной связью фундаментализма и традиции, их сложной диалектикой взаимоотношений. Поэтому в оптике «традиционные – нетрадиционные», «традиционные – новые» фундаменталисты скорее представляются на стороне традиции, тогда как новые религиозные движения и новые религии, напротив, носителями идеологии модернизма. В результате это осмысление на противопоставлении рождает образ фундаментализма как феномена несовместимого с неорелигиозным творчеством и новыми формами религии.

Тем не менее, ведущие исследователи фундаментализма, убедительно доказывают, что фундаментализм – это не просто продукт модернизма, а его противоположный импульс. В частности, Ч. Бхатт приходит к выводу, что фундаментализм и модернизм работают как зеркальные отражения друг друга [Bhatt, 1997, 79], поэтому фундаменталистская и модернистская идеологии амбивалентны [Головушкин, 2015; Гуревич, 1995]; фундаментализм и модернизм – это «изнанка и лицо» [Venoune, 2013, 14–15].

3) *Политико-идеологические причины.* То, что сегодня «публичный фундаментализм» – это фундаментализм, который заявляет о себе от лица крупнейших религиозных традиций, особенно, ислама, не в последнюю очередь является результатом развертывания/реализации неолиберальной модели глобализации, ставшей определяющей политико-экономической парадигмой нашего времени. Этот процесс имеет множество сторон, сфер и стратегий, однако в контексте заявленной проблемы необходимо обратить внимание на следующие аспекты.

а) Ослабление с 1970-х гг. социальной политики левых сил неолиберальной глобализацией привело к отказу в целом ряде государств Северной Африки, Ближнего Востока, Северной Америки и Европы от социальных проектов и программ социального обеспечения населения. В результате, как справедливо отмечает алжирский социолог М. Хели-Лукас, отсутствие в этих странах социальных альтернатив для рабочего и низшего среднего класса открыло для фундаменталистов перспективы в политике [Helie-Lucas, 2015]. Другими словами, влияние фундаменталистов в мире стало расти, потому что они предложили альтернативный социальный проект, который получал легитимацию через религиозную традицию, что было особенно востребовано в контексте программ структурной перестройки общества.

б) Модель внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма, разрабатываемая и координируемая Советом по международным отношениям (CFR) до вступления в силу внешнеполитического курса администрации Буша-младшего (2001–2009) подразумевала сотрудничество с самым широким спектром сил, в т.ч. использование локальных фундаменталистов там, где это соответствовало интересам Запада. Не случайно С. Кауден и Г. Сахгал приходят к выводу, что основной целью политики «заигрывания» с фундаменталистами была «нормализация обществом фундаменталистского мышления и учения», которые закрывали дорогу реформистской реакции, стремящейся к умеренности рынка и государства [Cowden, Sahgal, 2017, 9].

в) Вхождение/включение с 1970-х гг. религии в политику привело к рождению двух знаковых явлений современности – первоначально к политизации религии, а с конца 1990-х гг. – к религиозации политики, которые качественно изменили статус фундаментализма и понимание религиозной традиции.

В первом случае, апеллируя к «основам», фундаментализм пытался и пытается влиять на политику, определять векторы её развития, выступая своего рода в роли «берсерка» модерна [Kerel, 1994, 198]. Во втором случае, политика в лице самых различных общественно-политических сил – от либералов до консерваторов, – начинает говорить от имени религии/религиозной традиции, апеллируя к этно-конфессиональной идентичности, традиционным ценностям и нормам. Как указывают В.С. Малахов и Д.Э. Летняков, эта практика становится новой управленческой стратегией в публичной сфере, чаще всего не имеющей значимых институциональных последствий [Малахов, Летняков, 2020, 135]. Религиозный фундаментализм, связывающий себя с традицией, играет в этой схеме вполне определённую «демоническую роль» [Товбин, 2014, 31], сводящуюся к нейтрализации принципов и существа самой религиозной традиции. Это позволяет если не подменить традицию идеологией, то, по крайней мере, представить идеологию как комплекс традиционных ценностей, трансляция которых уже не зависит от традиционных религиозных институтов («своеобразный неотрадиционализм») [Малахов, Летняков, 2020, 145].

Таким образом, объединение исследований неолиберальной глобализации и религиозного фундаментализма позволяет увидеть, что возникновение второй волны религиозного фундаментализма (1970–1990 гг.) не в последнюю очередь стало результатом коалиции между идеологическим традиционализмом и неолиберальным капитализмом. Именно к этому выводу приходит международный политический экономист С. Дреер: «Возникновение и сохранение неолиберальной глобализации можно отчасти объяснить, как результат возрождения фундаменталистской религии, которая вступила в союз с глобализационными элитами, чтобы подорвать интервенционистский проект и противостоять новым социальным движениям» [Dreher, 2020, 42].

**Перспективы изучения фундаментализма
новых религиозных движений**

1) *«Новая оптика»*. Как справедливо отмечает российский политолог И.В. Кудряшева, «универсальная категория, будучи содержательно минимизирована, объективно не позволяет соотносить друг с другом многие виды фундаментализма» [Кудряшева, 2013, 99]. Однако основные характеристики фундаментализма доказывают многомерность и исключительный потенциал фундаментализма как аналитической категории. Будучи магистральным дискурсом/контрдискурсом модерна, фундаментализм сегодня становится глобальным откликом на современность. Не случайно Ч. Бхатт понимает современный фундаментализм как «сохраняющийся и прерывающийся набор глобальных трансформаций» [Bhatt, 1997, 82]. В этом плане фундаментализм новых религиозных движений может служить «новой оптикой», благодаря которой вновь будут переосмыслены и раздвинуты границы религиозного фундаментализма. Ведущие исследователи новых религиозных движений (З. Вербловский, Л. Вудхед, Б. Уилсон, П. Хилас и др.) справедливо обращают внимание на тот факт, что формы и состав ценностей новых религиозных движений – это один из самых достоверных показателей того, какие виды «водоразделов» намечаются в культуре и обществе. По мнению немецкого писателя и мыслителя Э. Юнгера, «культы» вообще являются предвестниками прихода «новых богов» и обновления мира [Юнгер, 2018, 29].

С другой стороны, будучи продуктом современности и ориентируясь на запросы современности, фундаментализм сегодня сам становится источником неорелигиозного творчества и порождает к жизни различные новые религиозные феномены. На преобладание в современных фундаменталистских идеологиях рационалистического элемента, но «доведённого до крайности», указывают Ш. Айзенштадт, Л. Каплан и др. [Eisenstadt, 1999; Caplan, 1997]. Поэтому фундаменталисты XXI века свободно комбинируют теологемы и мифологемы, заимствуют элементы различных нерелигиозных идеологий и т.д. В результате через реконструкцию и изобретение «основ» современный фундаментализм создаёт новые религиозные доктрины и «конкурирующие традиции» (П. Штомка). В этом плане фундаментализм может служить «оптикой» для изучения природы и генезиса новых религий и «неотрадиционализма».

2) *Дополнительный прогностический инструментарий*. Тот факт, что религиозный фундаментализм включает в себе модернизационный импульс и находится в специфических двойных отношениях с традицией – одновременно стремясь обновить её или выработать собственную «альтернативную традицию» («неотрадицию»), служит основанием для формирования опасной инверсионной ловушки – «основы» становятся все более необозримыми/неуловимыми. «Возвратно-поступательная машина» начинает работать всё быстрее, но её предложения «основ» выглядят всё менее удовлетворительными. В результате нарастающий модернизм фундаментализма провоцирует и способствует росту радикализма и экстремизма. По справедливому замечанию М.Ю. Барбашина, эти явления модернизационного фундаментализма «могут обрести несколько черт традиционности, несколько особенностей, специфическую “традиционную оболочку”, что не только допускается в соответствии с постмодернистскими канонами, а прямо-таки поощряется. Тем самым вырваться из замкнутого круга не удаётся» [Барбашин, 2008, 73].

Другими словами, амбивалентность фундаментализма и его новаторство в транзитивном обществе привели к массовому созданию/предложению т.н. «ошибочных идентичностей» и расцвету культуры «жонглирования идентичностями». Как замечает Ю. Хабермас, в расколотом модерне это явление становится неизбежным, «потому что относительное, обусловленное как в повседневности, так и в философии, полагается в качестве абсолютного» [Хабермас, 2008, 40].

3) *Предиктор обновления репрезентативных моделей*. Британский социолог П. Хилас в своей работе «Движение Нью Эйдж: религия, культура и общество в эпоху постмодернизма» (1996) увидел основную проблему в изучении Нью Эйдж в том, что они рассматриваются исключительно как «освобождение от традиций, правил, норм и даже веры». Учёный смог показать/доказать, что в стремлении организо-

вать религию с точки зрения авторитета «Я» они обзаводятся отличными от теистических религий правилами и нормами, позиционируя себя как «традиция против традиции». Однако, реализуя свою потребность в протесте, они в целом остаются верными традиционным механизмам институционализации. В результате П. Хилас приходит к заключению, что Нью Эйдж – это не постмодерн. Это особая культурная траектория модерна – «романтическое движение контрпросвещения» («counter-Enlightenment Romantic Movement») [Heelas, 1996, 212, 216–217].

Данную точку зрения, но с оговоркой, что развитие НРД в зависимости от контекста может пойти по пути деинституционализации, признают и отечественные исследователи. По мнению Е.С. Элбакян, «среди основных тенденций в развитии Нью Эйдж можно выделить две: неуклонный “дрейф” в сторону “классических” НРД и, напротив, отход от “религиозной проблематики”, утрата отдельных “религиозных черт”, присущих на этапе формирования и начального существования организации с постепенной эволюцией к нерелигиозной (светской) форме такой организации» [Элбакян, 2018, 44].

Эти выводы имеют важное методологическое значение, поскольку не только доказывают ограниченность репрезентативных моделей «традиция – модернизм» и «традиция – фундаментализм», противопоставляющих возвращение к основам или религиозное новаторство традиции, но и репрезентативной модели «фундаментализм – модернизм», посредством которой новые религии и новые религиозные движения интерпретируются как противоположность фундаментализму. Очевидно, что амбивалентность модернизма и фундаментализма возникает в результате их взаимодействия с традицией.

Заключение

Фундаментализм новых религиозных движений открывает перспективы дальнейшего научного осмысления природы и механизмов трансформации религии в современном мире.

Во-первых, очевидно, что «модернистский эксперимент» фундаментализма [Армстронг, 2017, 16] продолжается – и фундаментализм как продукт современности не перестаёт модифицироваться. Он является непреходящей и, возможно, постоянной структурной составляющей существующего миропорядка и поэтому, несмотря на заметное присутствие в академических кругах раздражения относительно «бесцеремонного» использования термина «фундаментализм», не перестаёт расширять свои границы.

Во-вторых, фундаментализм новых религиозных движений углубляет понимание генезиса, вероучительной и организационной специфики этих феноменов как неотъемлемой части культуры модерна. Он показывает, что НРД не только продукт модернизма/неорелигиозного творчества, но результат сложной диалектики взаимоотношений традиции, модернизма и фундаментализма.

В-третьих, проблема фундаментализма новых религий и новых религиозных движений выводит на ряд «буферных зон», которые наметились в современном религиоведении, в т.ч. в его концептуальном аппарате: религия/пострелигия, фундаментализм/постфундаментализм, религиозный модернизм/религиозный постмодернизм, секуляризация/постсекулярность, «постсекулярная секуляризация». Благодаря этой «оптике» мы получаем дополнительную возможность понять, что это – сдвиг эпистем или всего лишь изменения в существующих репрезентативных моделях.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 26ВГ)

Acknowledgement

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 26VG)

Библиографический список

1. Армстронг, К. Битва за Бога: История фундаментализма / К. Армстронг. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 502 с.
2. Баркер, А. Новые религиозные движения: Практическое введение / А. Баркер. – СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного институт, 1997. – LV, 281 с.
3. Головушкин, Д.А. Диалектика религиозного фундаментализма / Д.А. Головушкин. – СПб.: Издательство РХГА, 2022. – 132 с.
4. Головушкин, Д.А. От посттрадиционного фундаментализма к фундаментализму без ортодоксии: к проблеме «третьей волны» религиозного фундаментализма в современном мире / Д.А. Головушкин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2021. – № 93. – С. 77–90.
5. Головушкин, Д.А. Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? / Д.А. Головушкин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2015. – № 1. – С. 87–97.
6. Григорьева, Л.И. Религии «нового века» и современное государство. Социально-философский очерк / Л.И. Григорьева. – Красноярск: СибГТУ, 2002. – 399 с.
7. Гуревич, П. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации / П. Гуревич // Общественные науки и современность. – 1995. – № 4. – С. 154–162.
8. Кудряшева, И.В. Фундаментализм и «фундаментализмы» / И.В. Кудряшева // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 92–105.
9. Малахов, В.С. Мерцающий секуляризм: религия в российском публичном пространстве / В.С. Малахов, Д.Э. Летняков // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 135–149.
10. Товбин, К.М. Антимодернизм: традиционализм, фундаментализм, консерватизм / К.М. Товбин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 28–42.
11. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 414 с.
12. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
13. Элбакян, Е.С. Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея») / Е.С. Элбакян // Религиоведение. – 2018. – № 1. – С. 36–51.
14. Юнгер, Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век / Э. Юнгер. – М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2018. – 80 с.
15. Alexander, J.C. The Dark Side of Modernity / J.C. Alexander. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 187 p.
16. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism / D. Bell. – New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1978. – xxxiv, 301 p.
17. Bennoune, K. Your Fatwa Does Not Apply Here. Untold Stories from the Fight Against Muslim Fundamentalism / K. Bennoune. – New York: W.W. Norton & Company, 2013. – 402 p.
18. Bhatt, C. Liberation and Purity: Race, New Religious Movements and the Ethics of Postmodernity / C. Bhatt. – London; Bristol: UCL Press, 1997. – 306 p.
19. Cowden, S., Sahgal, G. Why Fundamentalism? / S. Cowden, G. Sahgal // Feminist Dissent. – 2017. – No. 2. – P. 7–39.
20. Doktor, T. New Age and Fundamentalism [Электронный ресурс] / T. Doktor // Religion and Democracy: An Exchange of Experiences between East and West. The CESNUR 2003 International Conferences. – URL: https://www.cesnur.org/2003/vil2003_doktor_1.htm (дата обращения 04.09.2023).
21. Dreher, S. Religious Fundamentalism and the Neoliberal Turn / S. Dreher // Religions in International Political Economy / by Sabine Dreher. – Springer International Publishing, 2020. – P. 19–49.
22. Eisenstadt, S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution. The Jacobin Dimension of Modernity / S. N. Eisenstadt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – xiv, 280 p.
23. Heelas, P. The New Age Movement: Religion, Culture and Society in the Age of Postmodernity / P. Heelas. – Wiley-Blackwell, 1996. – 288 p.
24. Helie-Lucas, M. Socialism, feminism, secularism and Islam: interview with Marieme Helie Lucas [Электронный ресурс] / М. Helie-Lucas. – URL: <https://shirazsocialist.wordpress.com/2015/07/09/socialism-feminism-secularism-and-islam-interview-with-marieme-helie-lucas/> (дата обращения 20.02.2023).

25. Iannaccone, L. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism» / L. Iannaccone // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 1997. – Vol. 153. – P. 100–116.
26. Kepel, G. The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World / G. Kepel. – Pennsylvania State University Press, 1994. – 215 p.
27. Luckmann, T. The Religious Situation in Europe: The Background to Contemporary Conversions [Электронный ресурс] / T. Luckmann. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003776899046003002> (дата обращения 28.07.2023).
28. Riesebrodt, M. Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran / M. Riesebrodt. – Berkeley: University of California Press, 1994. – 272 p.
29. Studies in Religious Fundamentalism / Ed. by L. Caplan. – Albany: State University of New York Press, 1987. – x, 216 p.

Текст поступил в редакцию 13.10.2023.

Принят к печати 10.11.2023.

Опубликован 27.06.2024.

References

1. Alexander J.C. *The Dark Side of Modernity*. Cambridge, 2013, 187 p.
2. Armstrong K. *Bitvaza Boga: Istorija fundamentalizma* [The Battle for God. A History of Fundamentalism]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2017, 502 p. (in Russian).
3. Barker E. *New Religious Movements. A Practical Introduction*. London: H.M. Stationery Office, 1989, xii, 234 p.
4. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1978, xxxiv, 301 p.
5. Bennoune K. *Your Fatwa Does Not Apply Here. Untold Stories from the Fight Against Muslim Fundamentalism*. New York: W.W. Norton & Company, 2013, x, 402 p.
6. Bhatt C. *Liberation and Purity: Race, New Religious Movements and the Ethics of Postmodernity*. London; Bristol: UCL Press, 1997, xx, 306 p.
7. Cowden S., Sahgal G. Why Fundamentalism? *Feminist Dissent*. 2017, no. 2. pp. 7–39.
8. Doktor T. New Age and Fundamentalism. Available at: https://www.cesnur.org/2003/vil2003_doktor_1.htm (accessed on July 28, 2023).
9. Dreher S. *Religions in International Political Economy*. Springer International Publishing, 2020, xiv, 225 p.
10. Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution. The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, xiv, 280 p.
11. Elbakyan E.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018, no. 1, pp. 36–51 (in Russian).
12. Golovushkin D.A. *Dialektika religioznogo fundamentalizma* [Dialectics of religious fundamentalism]. St. Petersburg: RCHGA Publishing House, 2022, 132 p. (in Russian).
13. Golovushkin D. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy]. 2015 vol. 1 (57), pp. 87–97 (in Russian).
14. Golovushkin D. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies]. 2021, vol. 93, pp. 77–90 (in Russian).
15. Grigorieva L.I. *Religii "novogo veka" i sovremennoe gosudarstvo. Social'no-filosofskij ocherk* [Religions of the "New Age" and the Modern State. Socio-Philosophical Essay]. Krasnoyarsk: SibGTU, 2002, 399 p. (in Russian).
16. Gurevich P. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. 1995, no. 4, pp. 154–162 (in Russian).
17. Habermas J. *Filosofskij diskurs o modern: dvenadcat' lekcij* [The philosophical discourse of modernity: twelve lectures]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2008, 414 p. (in Russian).
18. Heelas P. *The New Age Movement: Religion, Culture and Society in the Age of Postmodernity*. Wiley-Blackwell, 1996, 288 p.
19. Helie-Lucas M. Socialism, feminism, secularism and Islam: interview with Marieme Helie Lucas. Available at: <https://shirazsocialist.wordpress.com/2015/07/09/socialism-feminism-secularism-and-islam-interview-with-marieme-helie-lucas/20> (accessed on July 28, 2023).
20. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniya: filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment: philosophical fragments]. Moscow-St. Petersburg: Medium, Juventus, 1997, 312 p. (in Russian).
21. Iannaccone L. Toward an Economic Theory of "Fundamentalism"? *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997, vol. 153, pp. 100–116.
22. Jünger E. *Smena geshtal'ta. Prognoz na XXI vek* [Change of Form. A Forecast for the 21st Century] Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Ciolkovskij», 2018, 80 p. (in Russian).
23. Kepel G. *The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World*. Pennsylvania State University Press, 1994, 215 p.
24. Kudryashova I.V. *Politicheskaya Nauka* [Political Science]. 2013, no. 4, pp. 92–105 (in Russian).
25. Luckmann T. The Religious Situation in Europe: The Background to Contemporary Conversions, 1999. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00377689904600300227> (accessed on July 28, 2023).

26. Malakhov V., Letnyakov D. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2020, no. 1, pp. 135–149 (in Russian).
27. Riesebrodt M. *Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran*. Berkeley: University of California Press, 1994, 272 p.
28. *Studies in Religious Fundamentalism*. Ed. by L. Caplan. Albany: State University of New York Press, 1987, x, 216 p.
29. Tovbin K.M. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science]. 2014, vol. 14, no. 1, pp. 28–42 (in Russian).

Submitted for publication: October 13, 2023.

Accepted for publication: November 10, 2023.

Published: June 27, 2024.